

Чеботарев Владимир Владимирович

ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

В данной статье с позиций историко-философского подхода автором рассматриваются основные этапы развития такого сложного социально-политического явления, каким является современный терроризм. Выделяются и описываются характерные особенности, присущие терроризму в разные исторические эпохи. Делается вывод о том, что терроризм возник в античности. Автор анализирует исторические пути становления терроризма и предлагает собственную классификацию этапов его эволюции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 191-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

26. Меметов В. С. Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. 379 с.
27. Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: теоретико-методологический и историографический аспекты. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. 168 с.
28. Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII международной научно-теоретической конференции (г. Иваново, 27-29 сентября 2012 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. 239 с.
29. Ошров Р. Г. Становление и развитие университетского образования: автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 2004. 27 с.
30. Репрессированные этнографы. М.: Восточн. литература (РАН), 2002. Вып. 1. 340 с.
31. Стрекалова Е. Н. Национальная интеллигенция Северного Кавказа в контексте государственной политики в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25). Ч. 2. С. 177-181.
32. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 472 с.
33. Хачиров А. К. О формировании советской интеллигенции. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. 92 с.
34. Цориева И. Т. Проблема восстановления и развития кадрового потенциала советской науки во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. (по материалам Северной Осетии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 3. С. 209-212.
35. Шамеев А. М. Историография проблемы формирования интеллигенции на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник СОГУ. Общественные науки. 2011. № 3. С. 115-120.
36. Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1983. 139 с.
37. Эфендиев А. К. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). Махачкала: ДагФАН СССР, 1960. 154 с.

**NORTH CAUCASUS INTELLIGENTSIA IN HISTORIOGRAPHY
OF THE SECOND HALF OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY
(BY THE MATERIALS OF DAGESTAN, KABARDINO-BALKARIA AND NORTH OSSETIA)**

Tsorieva Inga Totrazovna, Ph. D. in History, Associate Professor

*Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia – Alaniya
tsorin@mail.ru*

The author presents the history of the study of North Caucasus national republics intelligentsia in the second half of the XXth – the beginning of the XXIst century, mentions the difference in the approaches to understanding the problem during the soviet and post-soviet periods, comes to the conclusion about the expansion of specific historical researches subject-matter, and reveals the problematic aspects, in particular the questions of the evolution and social-cultural identification of national intelligentsia, the dynamics of its relationships with the government, demanding historiographical interpretation.

Key words and phrases: intelligentsia historiography; domestic historiography; regional historiography; soviet intelligentsia; national cadres of intelligentsia; North Caucasus.

УДК 101.1; 323.28; 343.326

Философские науки

В данной статье с позиций историко-философского подхода автором рассматриваются основные этапы развития такого сложного социально-политического явления, каким является современный терроризм. Выделяются и описываются характерные особенности, присущие терроризму в разные исторические эпохи. Делается вывод о том, что терроризм возник в античности. Автор анализирует исторические пути становления терроризма и предлагает собственную классификацию этапов его эволюции.

Ключевые слова и фразы: терроризм; террор; генезис; античность; Великая французская революция; Вторая мировая война.

Чеботарев Владимир Владимирович

*Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск
chebotarev62@mail.ru*

**ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ
(ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)[©]**

В конце XX – начале XXI века терроризм стал одной из наиболее серьезных угроз общественной безопасности. Это явление не случайно: оно детерминировано рядом объективных и субъективных факторов развития мировой и национальных систем. Социальное отчуждение, поляризация стран на богатые и бедные, насаждение

политической либеральной идеологии, претензии западных держав на мировое господство – все это создает предпосылки для развития как национального, так и международного терроризма. Во многих странах, в том числе и в России, терроризм имеет глубокие культурно-исторические корни, религиозные предпосылки и претендует на безусловное оправдание со стороны общества, прикрываясь идеями национально-освободительных движений.

На рубеже тысячелетий терроризм превратился в глобальную угрозу для нормального существования действующего мироустройства. Он по-настоящему стал неотъемлемым атрибутом XXI века. В связи с отмеченными обстоятельствами научный анализ проблемы терроризма актуален, социально значим и весьма сложен. Будучи глобальным вызовом человечеству, терроризм расшатывает основы существования государств, приводит к смене правительств и наносит мощный, в первую очередь психологический удар по ни в чем не повинным людям. Как будто о наших днях написал в XIX веке российский мыслитель А. И. Герцен: «Террор. Какая-то страшная туча собирается над головами людей, вышедших из толпы. Страшно подумать; люди совершенно невинные, не имеющие ни практической прямой цели, не принадлежащие ни к какой ассоциации, могут быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой-то образ мыслей, которого они не знают... и который остановить они не могут» [3, с. 328]. Сложный социальный феномен современного терроризма настоятельно требует от мирового сообщества поиска новых эффективных научно-обоснованных методов противодействия.

В настоящее время в научной литературе нет однозначного понимания терроризма. Несмотря на то, что в последние годы проблема терроризма предстает как одна из активно изучаемых проблем, которой посвящены научные статьи и конференции, диссертационные исследования, этот сложный деструктивный социально-политический феномен до конца не исследован. В научной литературе можно выделить множество подходов к изучению терроризма.

В целом терроризм понимается как вид насилия, направленный на запугивание социума в целях реализации политических интересов. В связи с многообразием толкования, некоторые исследователи предлагают различать понятие «терроризм» в узком и широком смыслах. В широком контексте под терроризмом понимается все многообразие методов борьбы, связанных с использованием и выдвиганием на первый план насилия или угрозы его применения. В узком смысле это понятие ограничивается только террористическим насилием, направленным против невинных людей.

Согласно теории В. Г. Федотовой, все многообразие подходов к изучению терроризма можно подразделить преимущественно на социологические, цивилизационные, социально-психологические и политические [13, с. 198-207].

М. Е. Дринова, А. А. Красиков, А. А. Мантаев, В. О. Микрюков, Л. И. Медведко, Б. Г. Чурков рассматривают феномен терроризма через религиозный фактор, считая, что именно «религиозный терроризм – одна из глобальных проблем современности» [5, с. 98].

А. К. Белов, Л. И. Медведко, Н. А. Нарочницкая, С. Хантингтон, В. М. Шестаков, отмечая сходство по ряду признаков явлений терроризма и войны, приходят к выводу, что современный терроризм есть ее новая форма, которая не обязательно продолжает политику государства. Терроризм представляет собой войну, которую без всякого объявления ведут неполитические акторы, преследующие отдаленные политические цели, в такой акции явно недостижимые [13, с. 201].

Работы таких исследователей, как Р. Г. Апресян, С. Н. Борисов, А. Я. Гуревич, Г. В. Драч, В. В. Остроухов, С. А. Токарев, С. Е. Юрков, имеют большое значение для определения терроризма как социокультурного феномена, позволяют проследить феноменологию насилия и терроризма в глубинных культурно-исторических контекстах, исследовать культурный хронотоп терроризма в пространстве игры, мифа, религии.

Анализ изложенных в указанных работах идей показывает, что проблема понимания и классификации терроризма с точки зрения социальной философии по-прежнему актуальна. Данный подход позволит выявить содержание категории терроризм, определить основные этапы его формирования, полнее раскрыть вопросы существования современного терроризма как системного деструктивного явления социума. В работах К. С. Гаджиева, В. В. Кафтана, В. В. Никитаева, В. М. Розина, В. Г. Федотовой, М. Н. Шахова, Н. Б. Шулевского приводится сущностный анализ терроризма как сложного социально-политического явления, выделяются его основные содержательные элементы. Ученые акцентируют свое внимание на философско-нравственных аспектах проблемы терроризма, дают оценку социальной обусловленности данного феномена с точки зрения социальной философии. Н. Б. Шулевский считает, что «терроризм – это, прежде всего, философская проблема. Именно философия является единственной силой, стоящей на пути терроризма, ибо она стремится познать действующий в нем дух: а дух познания теряет свою демоническую силу...» [15, с. 11].

Понятия «террор» и «терроризм» длительное время выступали как синонимы. В 1970-1980 гг. исследователи стали различать содержание понятий «террор» и «терроризм». Польский ученый Анджей Бернад (Andrzej Bernard) в работе «Стратегия терроризма» одним из первых дал следующие определения: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного» [17, с. 23].

Историческая преемственность, присущая террористической практике, обуславливает насущную необходимость изучения особенностей генезиса терроризма. В ученой среде нет единого мнения о том, когда в истории человеческой цивилизации возник данный феномен. В связи с этим российский историк О. В. Будницкий пишет: «Иные приравнивают к терроризму любое политическое убийство и таким образом корни терроризма отодвигаются в античные времена (У. Лакер), если не в еще более ранний период; другие считают терроризм феноменом конца XX в. (И. Александер, В. Чаликова и др.). Французский историк М. Ферро

возводит терроризм к «специфической исламской традиции Хошашиин XI-XII вв.», а Н. Неймарк относит происхождение современного терроризма к эпохе пост-наполеоновской Реставрации» [1, с. 10]. Отечественный исследователь А. А. Королев вообще считает, что «террор в личном и общественном сознании людей существует испокон веков, еще со времен формирования архетипа «мы – они», «свой – чужой»» [8, с. 3].

Немецкий философ К. Ясперс в своем учении об истоках истории выделял собственно историю и доисторию. При этом ученый считал, что к истории нам следует относить «все то время, о котором располагаем документальными данными» [16, с. 54]. Следуя этой логике, мы полагаем, что возникновение терроризма произошло в Античности, так как самая древняя из террористических группировок, о деятельности которой до нас дошли письменные сведения И. Флавия и Тацита, – организация сикариев – действовала в начале I в. н.э. на территории Палестины.

Сикарии убивали римлян и сотрудничавших с ними представителей еврейской знати. В качестве оружия использовался кинжал (короткий меч) – сика (sika), который прятался под одеждой. Сикарии нападали на свои жертвы в дневное время, когда можно было легко смешаться с жителями окрестных селений, стекавшимися в города. Тем самым нападающие могли незаметно приблизиться к жертве, а затем безнаказанно исчезнуть с места преступления. Толпа, ставшая свидетелем трагедии, подобно современным средствам массовой информации, быстро разносила по окрестностям известие о новом убийстве. Подобная тактика способствовала созданию атмосферы страха и ужаса среди жителей Палестины и римлян: «Паника, воцарившаяся в городе, была еще ужаснее, чем сами несчастные случаи, ибо всякий, как в сражении, ожидал своей смерти с каждой минутой. Уже издали остерегались врага, не верили даже и друзьям, когда те приближались, и, однако, при всей этой подозрительности и осмотрительности, убийства по-прежнему продолжали совершаться» [14, с. 194].

В древнегреческой Спарте мы обнаруживаем один из первых примеров террора, применявшегося со стороны правящего слоя – спартиатов – в отношении земледельцев-илотов. Чтобы держать превосходящих по численности земледельцев в повиновении, спартиаты применяли криптии, или тайные убийства илотов. По мнению Л. Г. Печатной, «криптии заключались не только в акциях, связанных с индивидуальным террором, но и в более масштабных предприятиях, где речь шла уже о массовом истреблении илотов» [10, с. 235].

В качестве примера террористической организации эпохи Средневековья можно привести секту хашашин (ассасинов), деятельность которой сочетала в себе элементы религиозного мессианства и политического терроризма. Основатель секты Хасан ибн Сабах первым сделал вывод, что длительная, умело продуманная кампания террора может возыметь серьезный политический эффект. Убийства исполнялись таким образом, чтобы внушить будущим жертвам страх и обеспечить себе абсолютную тайную власть как в мусульманском, так и в остальном мире. За период с 1090 г. по 1162 г. жертвами ассасинов стали 75 халифов, султанов и эмиров [11, с. 147-148]. Эти систематические организованные убийства стали явлением, которое свидетельствовало о появлении принципиально нового способа достижения политических целей. В качестве средства единения и воодушевления ассасинами использовались как религиозные догмы, так и вполне материальные средства – наркотики. Метод ассасинов – подготовка смертников с помощью наркотических средств – используется и сегодня в некоторых исламских экстремистских организациях [4, с. 15].

В XII-XIV вв. на фоне борьбы папского Рима с королевскими династиями Европы такие религиозные авторитеты католической церкви, как Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский, Антонин Флорентийский, а также итальянский писатель и гуманист Джованни Боккачо обосновали правомочность убийств подданными своих монархов, если была очевидна польза от подобного насильственного устранения вредного интересам общества лица. Положения доктрины тираноборцев или монархомахов, сформированные мыслителями Средневековья, позднее легли в основу учений о правомерности применения насилия в борьбе за социальную справедливость.

Мощный толчок распространению терроризма дала Великая французская революция (1789-1794 гг.). Террор Французской революции «был предписан философами Просвещения и Кантом как совершенно необходимое и даже моральное явление» [6, с. 241]. Впервые в своей истории человечество столкнулось с политическим терроризмом. Современное понимание терроризма приобрел именно в период Великой французской революции. Террор стал рассматриваться как политическая власть, осуществляющая свои цели путем массовых казней, кровавых расправ, расстрелов без суда и других форм насилия. Ставший классическим, массовый террор эпохи Французской революции продемонстрировал модель управления страхом и запустил механизм массового терроризма. Это обстоятельство дает некоторым исследователям основание полагать, что терроризм возник в конце XVIII века.

В первой половине XIX века в Европе приобрели широкую известность заговорщические организации Италии, использовавшие в своей деятельности методы террора: сицилианская мафия, преследовавшая цели борьбы с монархией Бурбонов; неаполитанская «Каморра»; братство карбонариев на юге страны.

На протяжении XIX века деятельность террористических организаций приобрела общеевропейские масштабы. Так, во второй половине XIX века в странах Европы и США появляются леворадикальные движения, использующие «пропаганду действием» с целью повлиять на деятельность своих правительств. В России это были народники (позднее эсеры), во Франции, Италии, Испании и США – анархисты. В XIX веке появились и две наиболее известные доктрины, оправдывающие террор, – «философия бомбы» и «пропаганда делом».

Немецкий радикал Карл Гейнцен в середине XIX века доказывал, что невозможно запретить убийство в политической борьбе. Он пытался легитимизировать убийство не только политической или социальной необходимостью, но также природной: «Возможно, что убийство имеет не только историческую, но также и природную необходимость. Возможно, что атмосфере или земной коре определенное количество человеческой

крови необходимо для удовлетворения химических или каких-либо иных потребностей» [18, р. 57]. Гейнцен явился в какой-то мере основоположником теории современного терроризма. Он считал, что государственной военной машине следует противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей сможет создать наибольшую панику и хаос. При этом он отважно декларировал: «Даже если бы нам потребовалось поразить полконтинента или пролить море крови, чтобы покончить с “партией варваров”, нас бы не мучила совесть» [Ibidem, p. 59].

В 70-е годы XIX века анархистами была выдвинута доктрина «пропаганды действием». Суть ее в том, что не слова, а только террористические действия могут побудить массы к давлению на правительство.

Особая роль в пропаганде терроризма в Европе и США в конце XIX века принадлежит Иоганну Мосту, который продвигал революционную стратегию «пропаганды действием». В издаваемых им газетах он пропагандировал терроризм, развивая тезис о том, что для борьбы «против порядка воров» «все средства законны» [Ibidem, p. 101].

Начиная со второй половины XIX века, террористические акции в Европе приняли систематический и угрожающий характер. Только в России с 1894 г. по 1917 г. жертвами террора стали около 17000 человек [2, с. 32].

Вторая мировая война (1939-1945 гг.) с миллионами погибших на полях сражений, концентрационными лагерями, атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки изменила отношение к цене человеческой жизни. Наметился постепенный переход от индивидуального к преимущественно массовым видам терроризма. Объектами террористических атак вместо представителей власти все чаще становятся простые граждане. Появляются новые методы террористической деятельности. И. И. Карпец считает, что «война послужила определенным катализатором терроризма – он стал распространяться особенно быстро, рождаясь в одной стране, перекидываясь в другую, принимая самые различные формы – от убийств и подкладки бомб в помещения прогрессивных организаций до похищения дипломатов, заложников и угона самолетов» [7, с. 14].

В 1990-х годах начался процесс трансформации терроризма из глобального фактора международной политики в глобальную проблему современности. Терроризм прочно обосновался на территории России. Наша страна на собственном опыте испытала пагубность иллюзий в отношении истинных намерений террористов, лживость лозунгов, которыми они прикрывают преступные по своей природе действия [12, с. 7]. По количеству актов терроризма в 1989 году СССР вышел на 5 место в мире по уровню терроризма (после США, Израиля, Франции и Великобритании). Только в июне-июле 1990 года в СССР в течение 40 дней было совершено 13 захватов и попыток угона за границу гражданских самолетов [9, с. 5].

Вступление человечества в XXI век ознаменовалось активизацией террористических актов. Терроризм окончательно стал международным, а само явление приобрело глобальный характер. При этом процесс глобализации все сильнее обостряет отношения между «золотым» и «голодным» миллиардами, Востоком и Западом и тем самым служит одним из источников нового терроризма.

Кратко проследив исторические пути развития терроризма, мы предлагаем выделять в его эволюции следующие этапы.

1. Этап становления терроризма (от времен античности до конца XVIII в.): возникают отдельные организованные сообщества, практикующие террористические методы борьбы. Идет формирование идеологии терроризма. Жертвы террористических актов, как правило, немногочисленны.

2. Этап классического терроризма (конец XVIII в. – первая половина XX в.): вырабатываются основные формы и методы террористической деятельности. Под терроризм подведена идейно-теоретическая база.

3. Этап международного терроризма (вторая половина XX в.): создаются крупные террористические группировки, происходит процесс их интернационализации. Жертвами террористических актов становятся случайные люди. Появляется угроза завладения и применения террористами оружия массового поражения.

4. Этап глобального терроризма (с начала XXI в.): происходит трансформация терроризма из глобального фактора международной политики в глобальную проблему современности. Доминирующее положение занимает терроризм этнонационального и фундаментального толка.

Таким образом, осуществленный в рамках данной статьи историко-философский анализ терроризма свидетельствует, что данное явление не является принципиально новым социально-политическим феноменом. Этот вид насилия как механизм насаждения всеобщей паники и страха для достижения определенных социально-политических целей имел место в истории человечества на протяжении более чем двух тысяч лет. Терроризм, возникнув в Античности, прошел последовательно через все исторические эпохи до наших дней, то исчезая на некоторое время, то появляясь вновь. Он развивался, приобретая новые черты, свойственные той или иной эпохе, но во все времена он нес страх и ужас народам, проявляя свой деструктивный характер. Реальное содержание терроризма за это время мало изменилось – оно по-прежнему состоит в осуществлении физического и психологического насилия над людьми с целью достижения социальных и политических интересов. Изначально основной движущей силой терроризма являлась религия, которая с конца XIX века и особенно в годы «холодной войны» заменялась идеологическими, революционными, национально-освободительными, этнорелигиозными, сепаратистскими и тому подобными императивами.

Историко-философское изучение истоков терроризма дает возможность лучше понять это явление, оценить степень живучести террористических методов в социальной и политической системах общества, выявить угрозы, которые он в себе несет и в конечном счете понять, что нас ждет завтра.

Список литературы

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
2. Гейфман А. Революционный террор в России 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
3. Герцен А. И. Тысяча восемьсот сорок четвертый год // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 324-399.
4. Горбунов Ю. С. Зарождение терроризма // История государства и права. 2007. № 17. С. 11-16.
5. Дринова М. Е. Религиозный терроризм как атрибут политической религии // Философия права. 2010. № 3. С. 98-102.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
7. Карпец И. И. Преступное общество. М.: Молодая гвардия, 1983. 174 с.
8. Королев А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность // Террор и терроризм: исторические и психологические аспекты: сб. научн. трудов. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. С. 3-64.
9. Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М.: Междунар. отношения, 1991. 216 с.
10. Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб.: Гуманитарная академия, 2005. 510 с.
11. Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. М.: Наука, 1978. 276 с.
12. Устинов В. В. Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 416 с.
13. Федотова В. Г. Терроризм: попытка концептуализации // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 196-209.
14. Флавий И. Иудейская война. М.: АСТ, 2011. 608 с.
15. Шулевский Н. Б. Метафизика России и терроризм. М.: ТЕИС, 2004. с. 11.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
17. Bergard A. Strategia terroryzmu. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1978. 222 s.
18. **The Terrorism Reader: a Historical Anthology** / ed. by W. Laqueur. L.: Wildwood House, 1979. 296 p.

**TERRORISM AS SOCIAL-DESTRUCTIVE PHENOMENON
(HISTORICAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)****Chebotarev Vladimir Vladimirovich***Siberian State University of Communication Lines in Novosibirsk
chebotarev62@mail.ru*

The author, from the perspective of historical-philosophical approach, analyzes the main stages in the development of such complex social-political phenomenon as modern terrorism, reveals and describes some characteristic features of terrorism in different historical epochs, comes to the conclusion that terrorism originated in the ancient world, analyzes the historical way of terrorism formation, and presents his own classification of its evolution stages.

Key words and phrases: terrorism; terror; genesis; ancient world; French Revolution; World War II.

УДК 902

Исторические науки и археология

Статья посвящена выявлению и анализу путей проникновения методов математической статистики в археологическую науку в целом и в археологию Западного Урала в частности. Автор имеет цель вписать историю применения математических методов в археологии Западного Урала в контекст общемировых и отечественных гносеологических трансформаций конца XIX – 60-х гг. XX в. В итоге автор приходит к выводу, что интерес археологов Урала к математике являлся логичным и своевременным отражением общероссийских и мировых научных тенденций. Наука Прикамья чутко реагировала на все происходящее в стране и мире изменения, внося свой неоценимый вклад в общечеловеческое интеллектуальное наследие.

Ключевые слова и фразы: статистические методы в археологии; историография; методика археологического исследования; история археологии.

Шмуратко Дмитрий Владимирович, к.и.н.*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
dimashmuratko@rambler.ru***СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ (КОНЕЦ XIX – 60-Е ГГ. XX В.)[©]**

Представленная работа является первой частью историографического обзора, посвященного процессу проникновения и распространения в археологической науке методов математической статистики. В первой части работы рассмотрен период с конца XIX в. до конца 60-х гг. XX в. Этот временной интервал может быть охарактеризован как этап зарождения и распространения в археологии методов статистического анализа массового материала.